

УДК 323

Бурлаков В.А.

Определение места российского Дальнего Востока в геополитической структуре современной России: постановка проблемы

Definition of the place of the Russian Far East in geopolitical structure of modern Russia: statement of the problem

Статья посвящена осмыслению места Дальнего Востока в геополитической структуре современной России, определению самого понятия Дальний Восток, формулированию основных задач по выстраиванию новой дальневосточной политики.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, геополитика России, геополитическая структура государства, геополитическое положение, транспортная инфраструктура, опорный каркас расселения*

The article is devoted to the comprehension of the Far East in geopolitical structure of modern Russia, to the definition of the concept «the Far East», to the formulation of the basic tasks on construction of new Far East politics.

Key words: *Russian Far East, Russian geopolitics, geopolitical structure of state, geopolitical position, transport infrastructure, basic carcass of settlement pattern.*

В современных условиях Дальний Восток вызывает пристальное внимание, как центр притяжения геополитических, экономических и инвестиционных интересов. При этом ключевое значение обретает проблема структуризации Дальневосточного региона в рамках Российского государства, причём на первый план выходит не функциональная составляющая, а то, каким образом должно быть организовано пространство региона с целью его максимально полного включения в геополитическую структуру России.

Геополитическая структура государства – это пространственно организованный механизм осуществления политической власти. Его необходимыми компонентами являются национальные интересы, или легитимированные интересы господствующей политической элиты, и система контроля, или действенной инфраструктуры, обеспечивающей

перенос необходимого количества ресурсов в любую точку государства с целью легитимации политической власти.

Таким образом, для определения места Дальнего Востока в геополитической структуре России необходимо, во-первых, сформулировать совокупность национальных интересов относительно данной территории, и, во-вторых, конкретизировать пути и способы реализации этих интересов.

Анализ значительного числа публикаций, посвящённых проблемам развития Дальнего Востока России и вышедших в последние 10 – 15 лет, даёт возможность констатировать тот факт, что при изучении экономического, политического или геополитического положения Дальневосточного региона российские учёные во главу угла ставят проблему обоснования значимости самого региона [6, с. 105-110; 9, с. 142-144; 16, с. 98-105; 17, с. 63-70]. Начиная с момента инициации широкомасштабных экономических реформ, шёл мучительный поиск ответа на вопрос о том, зачем нужен современной России Дальний Восток и какие опасности нас ожидают в случае произвольной или непроизвольной утраты данного региона. Проблеме же определения возможной конфигурации Дальнего Востока, вопросу, какой она должна быть, уделялось недопустимо мало внимания.

Либерально-демократические реформы в нашей стране вдруг поставили парадоксальный вопрос об экономической целесообразности владения частью территории государства и, как следствие, о сути политики российского центра по отношению к дальневосточной окраине. Разумеется, вопрос не заострялся до уровня возможности специального отделения Дальнего Востока от остальной части страны. Даже самые радикальные общественные деятели старались не обострять проблему окраины до такой степени, в то же время в геополитической науке Запада прямо был поставлен вопрос о том, что экономически ослабленная Россия должна избавиться от отягощающих её положение Сибири и Дальнего Востока путём передачи регионов в управление более развитым государствам, прежде всего, США, Японии и, в перспективе, Китаю. В последующем эта идея несколько трансформировалась в своеобразную либеральную концепцию «сибирского проклятия», в рамках которой обладание холодными регионами Сибири и Дальнего Востока рассматривалось как основной сдерживающий фактор экономического развития России [18, с. 76].

Наибольшее распространение получила идея постепенного свёртывания российского присутствия на Дальнем Востоке с сохранением за данным регионом лишь каких-либо отдельных специфических функций (например, «транзитный регион» для связи со странами АТР). Как один из возможных сценариев «глухая изоляция» Дальнего Востока была обозначена, например, К.Э. Сорокиным, а также в ряде концепций Института Дальнего Востока РАН [4, с. 23-29; 12, с. 106-110; 14, с. 108-110].

Подобные идеи в целом хорошо иллюстрировали ту неопределённость во взглядах, которая имела место среди тогдашней российской политической элиты. Причём Дальневосточный регион в этом плане не был каким-либо уникальным явлением: неопределённость политической линии царя в отношении всех регионов России, просто в рамках Дальнего Востока подобная неопределённость вскрылась с наибольшей наглядностью.

В начале 2000-х гг. возобладал взгляд на регион, как на ресурсно-сырьевую базу, обладающую значительным, но пока не реализованным потенциалом. Интересна в этой связи позиция А.Д. Богатурова, который, по сути, сформулировал те основные принципы дальневосточной политики России (Дальний Восток, как стратегический резерв; необхо-

димось противодействия устойчивому желанию других государств воспользоваться этим резервом; примат государства в освоении региона; и более осмотрительный способ взаимодействия с партнёрами), которые сегодня во многом разделяются руководством страны [2, с. 90-92].

Однако и в такой форме подход к освоению Дальнего Востока представляется не отвечающим современной действительности. Попытки придумывать обоснования существованию и использованию региона означает заведомую консервацию его развития. Функциональная нагрузка Дальневосточного региона не может иметь решающего значения для интенсификации его освоения хотя бы потому, что в ходе самого освоения она может существенно меняться. Общим местом становится утверждение о необходимости сохранения Дальнего Востока в составе России, но такое сохранение возможно только в силу его интенсивного освоения. Неважно, зачем существует Дальний Восток в составе России, важно в какой форме он существует, как встроен в геополитическую структуру государства.

На наш взгляд, определение места Дальневосточного региона в геополитической структуре современной России необходимо строить, исходя из следующих положений:

- ◆ во-первых, Дальний Восток – органическая часть современной России, и какую бы функциональную нагрузку он не нёс, это положение вряд ли изменится;

- ◆ во-вторых, Дальний Восток никогда не представлял собой единого целостного региона, он всегда являлся неким конгломератом территорий, во многом искусственно сведённых во что-то единое;

- ◆ в-третьих, основная задача встраивания Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России – это не только создание транспортной инфраструктуры, способной соединить регион с остальными частями страны, но и формирование такой структуры хозяйствования и расселения, которая была бы привлекательна для значительного количества населения из западной части страны.

Первое положение, кажется, звучит несколько банально, ведь собственно мало кто отрицает эту простую истину. Однако среди экспертов стало общим местом говорить об оторванности, а иногда даже об изолированности Дальнего Востока от остальной части страны. Вместе с тем, привязанность периферии к центру определяется не только этим. Ключевым моментом здесь должно выступать отношение уровня легитимации проживающим населением того политического курса, который проводит центральное руководство, к количеству ресурсов (материальных, идеологических и силовых), необходимых центру для поддержания приемлемого уровня легитимации. С этой точки зрения Дальний Восток характеризуется, пожалуй, наилучшим соотношением в стране: небольшое количество ресурсов обеспечивает практически полный контроль над регионом.

Постоянно, приблизительно до 2004 г. снижающаяся экономическая активность центрального правительства привела к тому, что на территории региона обеспечивается только минимальный уровень благосостояния. Перманентное сокращение военного присутствия стало причиной существенного ослабления позиций страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Разногласия мнений породила в регионе настроенность неопределённости и нестабильности. И, тем не менее, российский центр продолжает оказывать существенное влияние на все внутрирегиональные процессы на Дальнем Востоке и поддерживать достаточный уровень своей легитимности.

Хорошей иллюстрацией этого является позиция населения Дальнего Востока. С одной стороны, жители региона явно не легитимируют

национальные интересы страны в рамках региона. Об этом, в частности, свидетельствует не прекращающийся отток населения, который продолжается даже после инициации серии грандиозных проектов, требующих привлечения значительного числа рабочей силы [3, с. 135]. Кроме того, в опросах общественного мнения Москва предстает в качестве одной из серьезнейших угроз существованию региона. С другой стороны, Дальний Восток – это регион России с наименее выраженными сепаратистскими устремлениями. Как окраина он сильнее, чем другие регионы страны политически привязан к центру. Устойчиво высокое негативное отношение дальневосточников к соседям по Северо-Восточной Азии (прежде всего, Китаю) практически полностью нивелирует всякую возможность добровольного отделения [5, с. 78-79; 8, с. 115-117, 121].

Причиной этого является внешнее в целом агрессивное окружение Дальнего Востока. Вкрапление в совершенно чужеродную культуру заставляет искать устойчивые связи с эндемической территорией. Даже негативно воспринимаемый центр остаётся дальневосточникам культурно и ментально ближе, чем соседние Китай, Корея и Япония. Более того, периодически обостряющиеся идеи китайской или японской экспансии на Дальний Восток России не могут добавить взаимопонимания и даже наоборот усиливают недоверие и подозрительность по отношению к выходцам из стран Северо-Восточной Азии.

Как следствие проникающие китайские мигранты остаются культурно чужеродным образованием в рамках дальневосточного населения. Они практически никак не растворяются среди коренных жителей и даже наоборот стараются поддерживать свою обособленность, оставаясь своеобразно «вещью в себе», не проницаемой для неазиатского населения. Например, на Дальнем Востоке единичными остаются смешанные браки между русскими и китайцами. Причём даже незначительное число таковых можно интерпретировать скорее как фиктивные, направленные на то, чтобы легализоваться китайскому рабочему в России.

В этой связи главная опасность скрывается в том, что не интегрированные в российское общество китайские мигранты образуют параллельную систему властных отношений, ориентированную не на российские органы государственной власти, а на созданные ими самими структуры. Так, большинство китайцев, каким-либо образом работающих в России, контролируется китайскими преступными синдикатами – триадами, которые, в свою очередь, плотно взаимодействуют со спецслужбами Китайской Народной Республики. Таким образом, получается ситуация сосуществования на одной территории двух параллельных государственных структур с диаметрально противоположными целями, и остаётся только вопросом времени, какая из данных структур окажется более жизнеспособной.

Осознание процессов, происходящих на российском Дальнем Востоке, должно по-иному повернуть вопрос о так называемом «освоении» данного региона. Можно смело утверждать, что мышление в рамках дихотомии «осваивать – не осваивать», понимая под «освоением» постоянный искусственно стимулируемый процесс привлечения ресурсов в регион, а под «не освоением» – крайний вариант в духе Ф. Хилл и К. Гэдди, на сегодняшний день совершенно непродуктивно. Даже незначительное изменение формы присутствия России на Дальнем Востоке (например, замена постоянно проживающего населения рабочими, используемыми вахтовым методом, увеличение доли иностранных мигрантов и т.д.), не говоря уже о свёртывании всякого присутствия в регионе, может привести к кардинальным геополитическим сдвигам, которые затронут всю страну. Отказываться придётся не от «лишних» (вариант – «ненужных», «отягощающих») территорий, а от интегрированных частей страны.

Ещё более абсурдной логика «освоения» Дальнего Востока выглядит с географической точки зрения. Собственно, какую часть России и по какому признаку мы выделяем в регион Дальний Восток? Вопрос не праздный, так как кроме экономико-географического принципа выделения никакие другие критерии не работают. Подавляющее большинство населения Дальнего Востока ни этнически, ни религиозно, ни культурно, ни, тем более, цивилизационно не отличаются от населения России в целом. Принципиальное значение имеет только фактор проживания на данной территории. Но и он обособляет дальневосточников лишь теоретически, потому что, кроме экономических причин, ничего не сдерживает их миграцию.

Некоторые дальневосточные учёные [1, с. 30-35; 11; 13, с. 28-30] уже поднимали проблему степени интегрированности различных частей Дальневосточного региона, указывая, в частности, на то, что «среди субъектов Российской Федерации, существующих на этой территории ныне, гораздо больше различного, нежели чем общего» [13, с. 31]. Однако сегодня важно понять, что Дальний Восток – понятие, скорее, абстрактное, чем реальное.

В начале статьи мы не пытались, как это часто принято, дать своё определение Дальнему Востоку. Причина проста – для определения границ региона нет ни одного безупречного критерия. Субъекты Российской Федерации, сходящие в Дальневосточный федеральный округ, не только кардинально различаются по экономическим, географическим, а иногда даже по культурным параметрам, но и практически никак не взаимосвязаны друг с другом. Единственной линией, которая хоть как-то структурирует территорию Дальнего Востока, можно назвать Транссибирскую магистраль. Её наличие способствует определённым контактам соседних регионов. Транспортное сообщение же с территориями, лишёнными железных дорог, в значительной степени затруднительно. Например, стоимость перелёта из Владивостока в Петропавловск-Камчатский составляет 2/3 стоимости маршрута Владивосток – Москва. Добраться же из Владивостока в Анадырь напрямую практически невозможно, необходимо делать пересадку в Москве (!). Сообщение с Курильскими островами затруднено даже из Южно-Сахалинска.

Экономические системы дальневосточных субъектов РФ автаркичны по своей природе. За исключением небольшого числа проектов, затрагивающих несколько субъектов (например, трубопровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», Бурейская ГЭС, автострада Чита – Хабаровск), нет никаких признаков экономической интеграции на уровне Дальневосточного региона. Все субъекты замыкаются на себя, не пытаясь расширить взаимодействие с соседями.

Отчуждённость внутри Дальнего Востока прослеживается даже на ментальном уровне. Наиболее типичный пример – это извечный антагонизм Хабаровска и Владивостока в отстаивании первенства по Дальневосточному региону [1, с. 33].

Дальний Восток органически распадается на слабо взаимосвязанные части со своими специфическими особенностями функционирования и специфическими региональными интересами.

Наиболее важным дифференцирующим признаком можно назвать климатические условия, которые хотя в целом признаются малоблагоприятными, но сильно разнятся в зависимости от места проживания. По принятой ещё Институтом географии АН СССР балльной оценке природных условий Дальний Восток разделяется на территории с благоприятными (2,7%), среднелюбоприятными (28,2%), малоблагоприятными (7,5%) и неблагоприятными (61,7%) условиями проживания для человека [3, с. 46]. К первым двум типам относятся территории Хабаровского

и Приморского краёв, Сахалинской, Амурской и Еврейской автономной областей. Естественно, что именно в этих, «южных» субъектах Дальневосточного федерального округа концентрируется основная часть населения и доля промышленности. Так, если средняя плотность населения всего ДВФО составляет 1,1 человека на км², то в «южных» субъектах она значительно возрастает: в Хабаровском крае – до 1,8, в Амурской области – до 2,4, в Еврейской автономной области – до 5,13, на Сахалине – до 6,04, а в Приморском крае – до 12,26, что превосходит среднероссийский показатель плотности 8,4. При этом, если в Хабаровском крае не учитывать слабозаселённые северные районы, то показатели плотности для того края можно смело утроить.

Именно эти пять основных субъектов дают основную часть валового регионального продукта по Дальневосточному федеральному округу. Так, в 2006 г. ВРП составил 981 млрд. руб., в котором доля «южных» субъектов – 69%. Причём если в абсолютных цифрах этот показатель является самым низким по России, то в оценке его на душу населения (150,3 тыс. руб. – в среднем по Дальнему Востоку, 150,7 тыс. руб. – в среднем по пяти «южным» субъектам) он уступает лишь промышленно насыщенным Уральскому и Центральному федеральным округам [15, с. 10-11].

Таким образом, картина встроенности Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России выглядит следующим образом: Амурская и Еврейская автономная области и Хабаровский и Приморский края, опираясь на такую транспортную артерию как Транссиб, в большей степени, чем другие дальневосточные субъекты РФ интегрированы в российское экономическое и социальное пространство. Остальные дальневосточные субъекты РФ на сегодняшний день вынуждены постоянно преодолевать транспортную оторванность.

При таких условиях сохранение в государственной терминологии понятия Дальний Восток, определяющего всю восточную окраину России, представляется опаснейшим атавизмом. Восприятие Дальневосточного региона в качестве единого целого только мешает проведению адекватной политики на востоке страны. У Приморского края нет никаких проблем схожих с проблемами Камчатки или Чукотки. Более того, их проблемы диаметрально противоположны. Условия хозяйствования в субъектах совершенно различны, но унификация в рамках дальневосточного федерального округа идёт по усреднённым показателям. Скажем, при анализе японской инвестиционной активности на Дальнем Востоке указываются достаточно оптимистические показатели. Но основная масса японских инвестиций (88%) концентрируется на Сахалине в рамках проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Другие части Дальнего Востока представлены крайне незначительно [10, с. 68]. Можно сказать, что существование Дальневосточного федерального округа в современном виде только вредит развитию Дальнего Востока в целом и его отдельных частей в частности.

Такая конфигурация Дальневосточного региона заставляет по-новому поставить вопрос о его встраивании в геополитическую структуру России.

Политический аспект проблемы требует дифференцированного подхода к дальневосточным субъектам Российской Федерации. «Южные» субъекты нуждаются в прямом контроле и директивном определении политического курса ровно в той же мере, в какой любые регионы центральной России. Здесь политические процессы во многом аналогичны процессам, протекающим в других субъектах. Не потерянная ими способность к саморегулированию может только способствовать их успешному развитию. С другой стороны, как показывает практика, эффективность

управления «северными» субъектами напрямую связана со способностью центра жёстко контролировать происходящие там процессы. В этой связи представляется вполне логичным решение о возможности разделения Дальневосточного федерального округа на две части: объединяющую «южные» дальневосточные субъекты и объединяющую «северные» субъекты. В этом случае удастся хотя бы частично приспособить политику центра к интересам и устремлениям различных дальневосточных регионов. Подобное разделение необходимо принимать во внимание и при составлении программ экономического развития.

Другой важный аспект связан с необходимостью формирования развитой транспортной инфраструктуры. Отрицать, тот факт, что как «южные», так и, особенно, «северные» части Дальнего Востока обладают слабой инфраструктурой невозможно. Поэтому можно в целом согласиться с Федеральной целевой программой «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.», ориентированной до 2/3 предусмотренных средств на развитие в топливно-энергетическую и транспортную сферы, и Президентом РФ Д.А. Медведевым, который в мае 2009 г. в Хабаровске, заявил о необходимости создания на Дальнем Востоке развитой транспортной инфраструктуры.

При этом важно понимать, что транспортная инфраструктура не создаётся для простого соединения двух точек в пространстве. Территориальная структура и её опорный каркас – совокупность центров и соединяющие её магистрали, как определяют современные геополитики, это «экономико-географический механизм целостности страны. Рационализация территориальной структуры увеличивает заключающийся в ней потенциал скрепления частей страны в единое целое, формирует единое пространство – экономическое, культурное, научное. Рыхлая территориальная структура способствует центробежным силам, сепаратизму, чревата распадом страны» [7].

Сама транспортная инфраструктура не стимулирует экономической активности, но создаёт весьма благоприятные для неё условия. Подхлестнуть активность экономических отношений на Дальнем Востоке, особенно в его южной части, способно лишь государство. В этом плане мы полностью солидаризируемся с мнением А.Д. Богатурова [2, с. 92-93]. Но такая констатация важной роли государства связана не с уникальностью Дальневосточного региона и невозможностью решения его проблем посредством либерального принципа «рыночного саморегулирования», а с пониманием того факта, что сам либеральный принцип начал давать существенные сбои и при решении экономических задач практического характера его всё чаще отодвигают в дальний угол.

Заканчивая данный анализ, следует обратить внимание на то, что встраивание Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России невозможно без кардинального переосмысления сути самого региона, поиска новых контуров его функционирования. Сегодня уже невозможно подходить к Дальнему Востоку с взглядами прошлого, а то и позапрошлого столетия. Сам Дальний Восток изменился до неузнаваемости, и загнать его обратно в рамки примитивной «освоенческой» идеологии невозможно.

Новый подход к дальневосточной геополитике должен иметь несколько основных слагаемых. Во-первых, «удержание» Дальнего Востока сегодня связано не с присутствием здесь российского населения или его количеством, а, прежде всего, с политическими процессами легитимации данным населением того политического курса, который проводит центральное российское руководство, как в отношении страны в целом, так и в отношении Дальневосточного региона. Поэтому оторванность региона – это не его удалённость, а ориентация российского насе-

ления на другие геополитические центры. Во-вторых, повысить степень легитимации можно только двумя параллельными взаимосвязанными процессами: созданием транспортной инфраструктуры, способной пространственно соединить разорванные части страны в единое целое, и целенаправленным стимулированием внутреннего потенциала дальневосточных территорий. И, в-третьих, Дальний Восток уже давно перестал быть единым образованием, а потому и политика центра должна быть дифференцирована. Сегодня чётко выделяются северный (приполярный) и южный (приамурский) вектора структуризации Дальневосточного региона. Изменять их направления или, тем более, сводить их в один вектор чревато негативными последствиями.

Реализация этих принципов будет способствовать естественному, а не искусственному включению Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России, в то время как пренебрежение ими может дать старт ползучему обособлению дальневосточных субъектов Российской Федерации

Литература

1. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока. // Полис. 2004, № 5. С. 28-39.
2. Богатуров А.Д. Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии. // Мировая экономика и международные отношения. 2004, № 10. С. 90-98.
3. Быстрицкий С.П., Заусаева В.К., Хорошавин А.В. Дальний Восток России: становление новой экономики. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2008. 267 с.
4. Концепция развития Приморского края в контексте геостратегических и экономических интересов России. // Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 1. С. 4-29.
5. Козлов Л.Е. Общественное мнение Дальнего Востока о внешней и внешнеэкономической политике России в АТР. // Проблемы Дальнего Востока. 2007, № 3. С. 70-81.
6. Кюзаджян Л.С. Тихоокеанское направление внешней политики России. // Россия и современный мир. 1997, № 3 (11). с. 105-127.
7. Лаппо Г.М. Территориальная структура России в начале XXI века. [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/2002/33.htm> [Дата обращения: 3.10.2008].
8. Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 5. с. 111-123.
9. Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века. // Свободна мысль. 2007, № 2. С. 142-154.
10. Левинталь А. Развитие внешнеэкономических связей Дальнего Востока России: проблемы и перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 2. С. 66-77.
11. Минакир П.А. Дальневосточный регион: история реформы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.partnerregions.org/fecentr/G1-98-6.html> [Дата обращения: 3.05.2005].
12. Национальные интересы России в АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. // Информационный бюллетень № 6, М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1998. 117 с.

13. Саначёв И.Д. «Российский Дальний Восток» как научная дефиниция: понятийная постановка проблемы. // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: политика, экономика, безопасность / Под общей ред. М.Ю. Шинковского. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. С. 28-34.
14. Сорокин К.Э. Геополитика современности геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. 168 с.
15. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в I квартале 2008 г. М., 2008. 45 с.
16. Титаренко М.Л. Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 6. С. 98-105.
17. Троекурова И. Модели интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС. // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 2. С. 63-79.
18. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирский холод. Как география России замедляет рыночные реформы. // Международная жизнь. 2001, № 12. С. 74-88.